

Лондон, 1818 год

Плотные серые облака заволокли небо над Лондоном. Раф Мэтьюс, стоявший во дворе «Черного лебедя», отвел назад сжатую в кулак руку. Бугры его мышц напряглись. На то, чтобы принять нужное положение, ушло совсем немного времени. Его рукой двигал инстинкт. Спустя секунду он выбросил кулак вперед.

Удар пришелся в скулу. Изо рта противника полетели кровавые брызги. Собравшаяся во дворе разношерстная толпа, состоявшая из темных, ожесточенных жизнью личностей, приветствовала вид крови громкими криками. Робким и богатым путем сюда был заказан. Грязь и постоянная борьба за существование стали привычными буднями для тех, кто жил в районе Сент-Джайлс. С таким же успехом это место могло бы быть чистилищем — не было никакой особой разницы.

— Бей! — заорал кто-то из зевак.

Другой кулак Рафа с хрустом обрушился на мускулистую грудь противника. Боль пронзила костяшки пальцев и отозвалась во всем теле.

— Мэтьюс! Мэтьюс! Мэтьюс!

Крики сотрясали воздух. Раф отступил, пытаясь сохранить равновесие, и встретил контратаку противника с завидным хладнокровием. Было видно, что тот в отчаянном положении. Раф поднял руки, защищая лицо от ударов. Он метнулся в сторону, развернулся и оказался вне досягаемости. Нет, противник был близко, очень близко. Раф улавливал запах его разгоряченного тела, видел страх, застывший в его глазах. Капельки пота блестели на бровях и стекали с кудрей.

Вопли, пронзая воздух, слились в непередаваемую какофонию. По поведению толпы Раф догадался, что ее симпатии переменялись. Теперь эти люди подбадривали уже не его, а того, с кем он дрался.

Постаравшись избавиться от этой неприятной мысли, Раф сосредоточился на мужчине, которого собирался хорошенько взгреть. Его сегодняшнего противника звали Кельвин Батлер. Раф снова ринулся вперед, позволив ярости взять над собой верх. Удары сыпались градом, отзываясь болью во всем теле, до тех пор пока Кельвин Батлер не растянулся на земле, прикрывая руками лицо. Повисла тишина: зрители осознали, что бой закончен. Затем они разразились криками, приветствуя победителя.

Очень усталый, Раф, покачнувшись, отступил на шаг. Легкий дождик капал на его обнаженный торс. На плечи Рафу накиннули куртку. Батлеру помогли подняться на ноги. Если бы не подбитый глаз и не распухшие, окровавленные губы, его вполне можно было бы назвать красавчиком... Теперь же это было довольно жалкое зрелище.

Раф протолкался в пивнушку. Все, что ему сейчас нужно, — пропустить стаканчик... и побыстрее...

— Батлер хреново выглядит, — сказал ему приятель, Бенджамин Томпсон.

Он шел рядом с Рафом. Томпсон был на пару дюймов ниже его. Зеленые глаза прекрасно гармонировали с рыжими волосами и веснушчатым лицом. Бенджамин, без сомнения, был самым добрым человеком и надежным другом из всех, кого Раф знал, если, конечно, не считать сестер. Приятели вместе направились к стойке бара.

— Две пинты! — крикнул Бен.

Опершись локтями о стойку, Раф проворчал в ответ на недавно сказанные слова:

— Он знал, на что идет.

Бен кивнул. Слуга принес пиво. Приятели сделали по большому глотку.

— Не стоило слишком уж на него наседать. Ты и так бы его уделал. Какого хрена было так его дубасить?

Раф замер и перевел взгляд на Бена:

— Я не смог сдержаться.

Ярость жгла его изнутри; она овладела его помыслами, наполнила разум. Он должен был победить во что бы то ни стало.

— Я не умею драться по-другому.

— Понимаю, — мягко произнес Бенджамин.

Нет, не понимаешь! Ни хрена ты, черт побери, не понимаешь!

Раф никогда не был полностью откровенен, даже с Беном, когда речь заходила о боксе.

— Ладно, навар того стоил. Теперь смогу заплатить за хату для сестер и себя.

— Да, хата у вас хорошая, — не стал спорить Раф.

Однажды он побывал в жилище Бена: в одной комнатухе ютились его родители, а также пятеро братьев и сестер. По сравнению с ним Раф и его сестры жили в королевской роскоши.

— А ты не думал свалить отсюда... из Сент-Джайлса?

Бен пожал плечами:

— Куда?

— В место получше. Господи, Бен! Где угодно будет лучше, чем здесь. У тебя приятная внешность. Ты вполне мог бы поступить на работу к богатым в один из тех домов, что в Мейфэре.

Бенджамин фыркнул:

— Чтобы они унижали меня, заставляли чистить сапоги или, хуже того, выливать дерьмо из ночных горшков? Нет уж... Лучше я буду вкалывать в доках. Спасибо за совет, но я предпочитаю сохранять чувство собственного достоинства.

— Понимаю. Но в доках ты ни черта не зарабатываешь. Неужели тебе не хочется жить в собственном доме... найти себе женушку?

— Хочется. Но лезть из кожи вон ради денег я не буду. Я живу так, как считаю нужным, Раф. — Он отхлебнул пиво из кружки. — Не хочу пахать на людей, которых терпеть не могу. Не желаю ради них унижаться.

Эти слова задели Рафаэля за живое. Его обжег стыд.

— Знаю, — произнес он с уважением к приятелю.

Хотелось бы ему быть таким же, как Бенджамин: не желать больше того, что судьба ему даровала. Если бы не сестры, Раф, пожалуй, не тревожился бы так, не лез бы из кожи вон.

— Ты хорошо сегодня дрался, парень, — услышался голос у них за спиной.

Поставив кружку на барную стойку, Раф обернулся. Наряд его «тренера», состоящий из багрового бархатного сюртука и такой же шляпы, резко контрастировал с невзрачной одеждой завсегда-таев пивнушки. Впрочем, этот «благородный» вид не имел ничего

общего с действительностью. Гутри был тем еще мерзавцем. Он скопил деньги благодаря темным делишкам, то и дело играя на чужих слабостях. Его происхождение было скрыто в густом тумане, однако все вокруг сходилось на том, что, взбираясь наверх, Карлтон Гутри не единожды обагрят свои руки кровью. Как бы там ни было, какие бы неприятные чувства ни вызывал у Рафа этот человек, нельзя было не согласиться: с тех пор как в Сент-Джайлсе восемнадцать лет назад появилась эта темная личность, беспорядка в районе стало меньше. Так, по крайней мере, все говорили.

— Мистер Гутри! Рад вас видеть!

Бессовестнейшая ложь.

Гутри подкрутил кончики усов:

— Я тоже.

Это прозвучало вполне дружелюбно, но лишь глупец мог бы решить, что имеет дело с добряком. Даже если такое заблуждение и возникало, оно тут же исчезало при появлении покрытого шрамами мордоворота, подручного Гутри, шотландца по фамилии Мак-Нейл, маячащего за правым плечом своего хозяина.

Гутри кивнул Бену. Тот кивнул ему в ответ.

— Пошли, выпьешь со мной, — распорядился Гутри, глядя на Рафа. — Нам есть о чем поболтать.

— А Томпсон? — спросил Раф, не желавший расставаться с приятелем.

— Уверен, он подождет, пока мы не закончим. — Сунув руку в карман, Гутри выудил оттуда золотую монету и бросил ее на барную стойку перед Беном. — За беспокойство. То, что я хочу сказать Мэтьюсу, не твоего ума дело. Ясно?

Раф перевел взгляд с Гутри на Бена:

— Извини... я...

— Все путем, — сказал Бенджамин, пряча в карман монету, которая на много дней обеспечит пропитание его родным. — Увидимся завтра на работе?

Раф кивнул и проводил уходящего приятеля взглядом.

— Ну? — послышался голос Гутри. — Как насчет выпивки?

Окинув взглядом сначала «тренера», а затем Мак-Нейла, Раф сдержанно кивнул:

— С удовольствием.

Глаза Гутри поблескивали.

— Вот и ладно, — растянув губы в улыбке, произнес он. — Топай за мной.

И, повернувшись, Гутри повел Рафа к выходу из комнаты. Висящий в воздухе табачный дым смешивался с запахом пива и жарящегося мяса. По одному из столов покатались со стуком игральные кости. Женская рука прикоснулась к бедру Рафа и скользила вверх, пока он не отстранил ее.

— Нет? Ты не в настроении, дорогуша? — спросила женщина.

Она сидела, вытянув ноги, на коленях у мужчины, который уткнулся лицом в ее глубокое декольте.

Жалея незнакомку из-за того, что ей приходится вести такой образ жизни, Раф мягко ответил:

— Я занят.

— Может, погода? — бросила женщина ему вслед.

Он не ответил. Слава богу, его сестер сия судьба миновала.

— Садись, — сказал Гутри.

Они вошли в «комнату для особых посетителей», расположенную в конце коридора. Обставлена она была бедно — сколоченный из досок стол и четыре стула. На столе стояли кувшин и пара кружек.

— Эль для чемпиона, — сказал Гутри, указав пальцем на кувшин.

Отодвинув стул, Раф плюхнулся на него и налил себе выпить, а вот Гутри потребовал себе другой стул, получше.

— Будете? — спросил Раф, указывая на кувшин.

Гутри улыбнулся:

— А почему бы нет?

Он подождал, пока Раф наполнит элем и его кружку, потом поднял ее и провозгласил:

— За твою сегодняшнюю победу.

— За победу, — повторил Раф и осушил кружку, утопив горечь негодования в горьком эле.

— Ты далеко пойдешь, — прикоснувшись пальцем к кончику своего носа, сказал Гутри. — Пятнадцать побед подряд. Я такого не припомню.

Раф увидел алчные огоньки в его глазах. Судя по всему, его «тренер» мысленно подсчитывал барыши.

— Что вам от меня надо, Гутри?

— Ты, как всегда, циничен, Мэтьюс. — Его собеседник приподнял верхнюю губу, обнажая неровные желтые зубы. — Разве